

Приплыли или неюбилейные размышления к 100-летию соглашения Сайкса-Пико

100 лет назад правительствами Великобритании, Франции и России было заключено соглашение Сайкса-Пико, полностью изменившее карту Ближнего Востока. О последствиях этого соглашения для народов региона, окончательном крахе системы Сайкса-Пико и новых реалиях, в которых оказался Израиль, — мы говорим с автором статьи «Совсем Новый Ближний Восток» демографом Яковом Файтельсоном.

Марк Сайкс и Франсуа Пико

— Яков, по какому принципу Сайксом и Пико были очерчены границы и определен этнически-религиозный состав территорий, которые стали позднее Ираком, Иорданией, Сирией и Ливаном? И чем руководствовались великие державы, нарушив обещание Лоуренса Аравийского способствовать созданию единого арабского государства?

— Налицо единственный принцип — разграничение сферы интересов великих держав. Чаяния и ожидания туземцев волновали этих джентльменов меньше всего. Если появлялся любитель от дипломатии вроде президента США Вудро Вильсона, говоривший о праве наций на самоопределение, его аккуратно отодвигали в сторону. Вильсон предлагал, например, включить в границы Армении армянские территории Турции, прилегающие к Черному морю. Он видел независимым и Курдистан — на территории около 450 тыс. кв. км от Средиземного моря до Аравийского залива, компактно заселенной курдами.

Многие забывают, что в переговорах активно участвовала и Россия, которая получала контроль над Босфором и Дарданеллами и территорией турецкой Армении. Вскоре, правда, грянула революция, и Россия вышла из соглашения, тем более, что большевики вступили в сговор с Ататюрком, уступив ему не только территории, которые Вильсон предлагал включить в армянское государство, но и армянские, и грузинские земли, входившие ранее в состав Российской империи.

Что касается обещаний Лоуренса, то они были едва ли не его частной инициативой (как, впрочем, и договоренности Сайкса-Пико не являлись официальным решением правительств Великобритании и Франции). Ради привлечения арабов на сторону Великобритании в ходе Первой мировой Лоуренс обещал им все, что мог пообещать, а Сайкс и Пико исходили из сложившихся реалий.

Ради привлечения арабов на сторону Великобритании в ходе Первой мировой Лоуренс Аравийский обещал им все, что мог пообещать

Возникновение мощного арабского государства противоречило интересам и Британии, и Франции. Индустриально развитое Соединенное Королевство

стремилось обеспечить защиту Суэцкого канала и получить арабскую нефть — в этом британцы оказались дальновиднее французов. Более того, Британия нуждалась в транспортном коридоре от Египта до только что обнаруженных нефтяных месторождений в Мосуле. Сионистская идея получила поддержку определенных кругов в Британии, поскольку могла послужить освоению пустынного пространства между крайними точками британских владений. Так или иначе, но в Британский мандат на Палестину, фиксировавший границы еврейского национального дома, вошла позднее вся территория нынешней Иордании и Израиля.

Король Фейсал с членами своего кабинета (второй справа во втором ряду - Лоуренс Аравийский) в Версале, 1919

— То есть, несмотря на искусственность границ, ставших результатом соглашения, будем справедливы — еврейский национальный проект в Эрец Исраэль укрепился именно при Британском мандате. Вообще, создание национальных государств — в принципе европейская идея, и не будь соглашения Сайкса-Пико, кто знает, возник ли бы в 1948 году Израиль...

— Да, но при этом еврейские интересы заботили Сайкса и Пико и их последователей меньше всего. Ведь прошло несколько лет и вопреки условиям Мандата, который определял, что границы еврейского национального очага не подлежат пересмотру, британцы эти границы пересмотрели, отрезав 75% выделенной евреям территории. Поскольку речь шла о великой державе, то Лига наций предпочла этого не заметить, а американцы, обидевшись, что к ним не прислушались (Вильсон активно поддерживал права национальных меньшинств), перешли к политике изоляционизма.

Разделив территорию Мандата по реке Иордан, министр колоний Уинстон Черчилль частично выполнил обещание, данное Лоуренсом арабам. Будущий премьер Британии, несмотря на благожелательное отношение к сионизму, тоже исходил из текущей ситуации. Во-первых, евреи не отреагировали на возможности Мандата так быстро, как многие ожидали, — репатриация не приобрела массовый характер. Во-вторых, в войне между династиями хашимитов и саудитов на Аравийском полуострове победили последние, и хашимиты, по праву происхождения от Мохаммеда контролировавшие Мекку и Медину, остались у разбитого корыта. И тогда представитель хашимитов Абдалла I ибн Хусейн стал эмиром Трансиордании — специального созданного британцами на территории еврейского национального очага государства для своего вассала. Таким образом, прагматик Черчилль реализовал идею о том, что к западу от Иордана будут жить евреи, а к востоку — арабы.

Поскольку, кроме черкесского поселения Амман, городов в Трансиордании практически не было, оно и стало столицей нового государства. Кстати, с тех пор черкесы составляют личную гвардию короля Иордании.

Сирия. Война

Надо сказать, что принцип евреи — налево, арабы — направо не удалось соблюсти в полной мере. С ростом индустриализации Палестины рабочей силы стало не хватать и наряду с еврейской репатриацией шла арабская трудовая миграция из соседних регионов. Гастарбайтеры оседали на новом месте, привозили свои семьи. Неслучайно в марте 2012 года министр внутренних дел в правительстве ХАМАСа в Газе, Фатех Хаммад обрушился с претензиями на египтян и саудовцев, мол, мы же выходцы из Египта и Аравии, а вы нас — братьев — предали. Более 30 семей в Газе носит фамилию Аль-Масри (от *Масри* — Египтянин, — араб.) — сказал Хаммад. Это характерно и для Самарии — Аль-Масри — один из ведущих кланов Шхема, чьи представители не раз избирались на должность мэра этого города.

Уничтоженный израильянами один из вождей ХАМАСа в Газе, Ахмед Аль-Джабари, член семьи, отколовшейся от наиболее влиятельного клана в Хевроне Аль-Джабари — выходцев из Ирака. Интересно, что в самом Хевроне клан Аль-Джабари, насчитывающий 35 тысяч членов и имеющий собственную армию из 5 тысяч боевиков, сотрудничает с израильскими властями. Члены

этого клана отметили смерть Ахмеда, раздавая жителям города сладости.

— Яков, почему, несмотря на столь случайную перекройку границ, в течение десятилетий они были достаточно устойчивы? За счет чего держались режимы, управлявшие столь разношерстным конгломератом племен и этнических групп?

— Это классическая для постколониального мира ситуация. Место великих держав у кормила власти заняли гражданские и армейские структуры, созданные в свое время метрополией. Так, в Сирии после провозглашения независимости наверху пирамиды оказались алавиты, христиане и друзы — другими словами, меньшинства, которым благоволили французы и которые составляли костяк армии. Расчет был тонким — меньшинства всегда наиболее преданы колониальному режиму, им не на кого опереться, кроме как на центральную власть.

Меньшинства всегда наиболее преданы колониальному режиму, им не на кого опереться, кроме как на центральную власть

И, разумеется, правители во всех получивших независимость государствах могли выжить лишь при тоталитарном способе правления — Асад держал в узде суннитское большинство в своей стране, в то время как суннитское меньшинство в Ираке прессовало шиитов и курдов. И так могло бы продолжаться еще долго, если бы не социально-экономический кризис, который и стал катализатором гражданской войны в Сирии. Возведение Турцией плотины на Евфрате и социалистические методы природопользования в самой Сирии привели к обезвоживанию колоссальных территорий на юге страны. В результате 800 тысяч крестьян потеряли средства к существованию и двинулись в города, что создало социальное

напряжение — все началось именно с этого, а не с требований прав национальных меньшинств.

Разумеется, ситуация усугубилась этническими, племенными и религиозными противоречиями, и государство расплзлось, как лоскутное одеяло. Тогда оказалось, что президент Асад реально контролирует лишь территорию бывшего государства алавитов и анклавов, населенные христианами и друзами, а в остальных регионах господствует суннитское большинство.

Даже оставив в покое меньшинства, нельзя забывать, что и суннитское большинство далеко неоднородно — крупнейшие бедуинские племенные союзы Шаммар и Зубейд, к которому относится и клан Аль-Джабари, контролируют территорию от Сирии до Саудовской Аравии и для их вождей интересы своего племени приоритетнее, чем глобальные вызовы, стоящие перед суннитами. Часть из них поддерживает антиасадовскую оппозицию, а другая часть воюет против нее.

Лишь внешняя сила, которой плевать (подобно англичанам и французам сто лет назад) на все эти тонкости самоопределения, может заставить сосуществовать столь разные группы.

— В последние годы многие на Западе говорят о переделе границ распадающихся на глазах стран, вроде Ирака, в соответствии с этническим, племенным и религиозным составом населения. Насколько эти планы согласованы с местными игроками?

— Еще в 1992 году профессор Бернард Льюис — наиболее влиятельный эксперт по истории ислама и Ближнего Востока, предсказывал, что на Ближнем Востоке произойдет процесс дезинтеграции существующих государств и наступит «конец панарабизма».

А в 2006-м, тогда сенатор, а ныне вице-президент США Байден предложил раздел Ирака на суннитский, шиитский и курдский анклавов. Эффективность такого решения была проиллюстрирована примером Югославии, на обломках которой возникли несколько вполне успешных и жизнеспособных государств. Подобные идеи высказывал и американский подполковник Ральф Питерс, план которого предполагал распад и Саудовской Аравии. Предложения

Байдена, однако, были отвергнуты Белым домом, а карта Питерса, хоть и изучается в военных академиях США, но как частное мнение бывшего заместителя начальника по разведке в Департаменте обороны.

Как бы то ни было, все эти идеи разбились о камни политкорректности и критику обозревателей ведущих СМИ. В результате никто из мировых лидеров не хочет взять ответственность на себя, предпочитая, по изящному выражению президента Обамы, «лидерствовать сзади». И позволяя местным игрокам играть в эту игру до тех пор, пока они не истощат свои силы настолько, что де-факто будут зафиксированы некие новые границы.

— На ваш взгляд, возникновение ИГИЛ тоже является прямым следствием распада системы Сайкса-Пико? Ведь взрывая контрольно-пропускной пункт на границе Ирака и Сирии два года назад, боевики ИГИЛ говорили об окончании действия именно этого соглашения — якобы теперь на смену созданным колониальными державами искусственным арабским государствам придет исламский халифат.

— В значительной степени это так, но нельзя сбрасывать со счетов и целый ряд других факторов. До сих пор жива мечта об объединении исламского мира, который станет столь же могущественным, как тысячу лет назад. Об этом мечтал светский Насер, об этом мечтает умеренный исламист Эрдоган — идея эта возникает не в широких слоях полуграмотного населения, а среди элиты, где каждый видит себя в качестве потенциального халифа.

До сих пор жива мечта об объединении исламского мира, который станет столь же могущественным, как тысячу лет назад

А дальше все зависит от контекста. В Египте «Братья-мусульмане» победили на выборах и... тут же были низвергнуты, поскольку их идеология не успела укорениться в государственных институтах, прежде всего, в армии.

Исламское же государство возникло как причудливый союз обиженных выходцев из светской, национал-социалистической партии Баас в Ираке и исламских радикалов. И не случайно это произошло в Ираке, где американцы, демонтировав режим Саддама Хуссейна, расформировали его армию, превратив сотни тысяч профессиональных военных в безработных. Этим воспользовались «Братья-мусульмане» и Аль-Каида, вступившие в союз с профессиональными и хорошо организованными военными и провозгласив Исламское государство. Бывшим же саддамовским офицерам панисламские идеи были достаточно близки, даже если они лично были людьми вполне светскими. Кстати, сам Хуссейн в последние годы использовал исламскую риторику — как инструмент мобилизации народного единства.

Боевики Исламского государства

Есть еще один фактор, питающий идеологию ИГИЛ, — непрерывная, на протяжении последних 1350 лет, вражда между суннитами и шиитами. В мире ведь уже есть одно Исламское государство — Иран (который так и называется — Исламская республика), но это государство, враждебное суннитам.

Усиление Ирана еще больше сплотило суннитов вокруг идеи халифата, — за

которой, как оказалось, впервые за многие годы стоит реальная военная сила. Это еще больше напрягло Иран, активизировавшего поддержку шиитов и режима Асада, что, в свою очередь, мобилизовало суннитов — это замкнутый круг.

— Что может загнать этого джинна в бутылку? Запад, Россия, некая третья сила?

— Ближний Восток, по крайней мере, то, что было недавно Сирией и Ираком, находится в процессе полураспада, напоминающем Столетнюю войну в Европе. Полуфеодальные группировки воюют друг с другом, и нет ни одной силы, которая (даже поддержанная Ираном или Россией) превалирует столь явно, чтобы подчинить себе всех остальных.

Россия, кстати, не случайно оказала массированную, но столь краткосрочную поддержку Асаду — добившись стабилизации его режима, но не позволив победить в войне. Москва заинтересована в сильном Курдистане, поскольку это подрывает позиции Турции и Ирана и усиливает ее — Москвы — влияние на Ближнем Востоке. В этом смысле России не нужна слишком сильная Сирия — и с точки зрения проникновения радикальной идеологии в мусульманские регионы РФ, и чисто экономически — строительство газопровода из Катара через Сирию и Средиземное море может подорвать и так пошатнувшуюся монополию Газпрома в Европе.

Таким образом, и Запад, и Россию распад Сирии на более мелкие, но стабильные государства (курдов, алавитов и пр.) вполне устроил бы.

— А какие угрозы для Израиля несет распад государственности его соседей по региону? Реально ли вообще оставаться очагом стабильности в столь нестабильном окружении?

— Так же, как на Пасхальном седере евреи не поднимают полный бокал, когда речь идет о египетских казнях, поскольку трагедия врагов все равно остается человеческой трагедией, так и сегодня мы не будем радоваться драматическим событиям у нас под боком.

Тем не менее ситуация очевидна. Некогда сплоченный арабский мир, который, как многие полагали, сотрет искусственное сионистское образование с лица земли, сам оказался искусственным образованием, если не фантомом. К тому же, не совсем арабским, если учесть, сколько этнических групп на Ближнем Востоке осуществили или хотят осуществить право на самоопределение, будь то курды, турки, персы, друзы, алавиты, азербайджанцы или христиане, которые в последние годы стали склоняться к арамейской идентичности.

***Некогда сплоченный арабский мир,
который, как многие полагали, сотрет
искусственное сионистское образование с
лица земли, сам оказался искусственным
образованием***

Израиль и раньше успешно противостоял мощным арабским государствам, сегодня же у нас совпадают интересы с такими народами, как курды, друзы, и, как ни странно, даже с алавитами. Не случайно бывший глава генштаба ЦАХАЛа, когда возникла опасность падения режима Асада, заявил, что Израиль должен принять меры для защиты алавитского меньшинства.

Вообще, все опять-таки зависит от контекста. Когда-то Израиль дружил с шахским Ираном, поскольку обе страны были меньшинством на большом Ближнем Востоке и их интересы совпадали. Сегодня наши интересы совпадают с суннитами, поскольку агрессивная политика Ирана угрожает и суннитам, и Израилю. Отсюда вытекают многочисленные возможности

гласного и негласного сотрудничества — принцип «против кого дружим» реализуется на Ближнем Востоке в полной мере.

В любом случае, перспективы еврейского государства сегодня куда более благоприятные, чем тогда, когда оно только возникло и даже еще пару десятилетий назад.

Беседовал Михаил Гольд